

Кирилл Соловьёв

Рец. на: О.В. Будницкий. Другая Россия: Исследования по истории русской эмиграции. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 632 с.

Kirill Soloviev

*(HSE University, Moscow, Russia; Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

Rec. ad op.: O.V. Budnitskiy. Drugaya Rossiya: Issledovaniya po istorii russkoy emigratsii. Moscow, 2021

DOI: 10.31857/S2949124X23020207, EDN: BMHJAO

Написать историю русской эмиграции — непростое занятие. Сам объект исследования будто бы «выскальзывает из рук», и не вполне ясно, как к нему подступиться. Гуманитариям памятна фраза М. Блока о «людоедских наклонностях» историка, который рыщет в источниках в поисках «человечины». Блок скорее писал о желаемом, чем о действительном. На практике исследователи предпочитают власть, государство, государственность, политические институты. Если уж и вызывает интерес «человечина», то далеко не всякая, а та, что носит корону и мантию. Подобный государственноцентристский взгляд вполне объясним: значение правительственных (или в крайнем случае партийных) институтов не вызывает особых сомнений ни у учёных, ни у читателей. К тому же их изучение практически всегда хорошо обеспечено источниками, так как именно государственные учреждения — настоящая фабрика по их производству. Можно, конечно, сосредоточиться и на оппозиции, зачастую не вписывавшейся в политическую систему, представлявшей контрэлиты. Однако это будет лишь зеркальное отражение того же подхода. В любом случае в центре внимания остаётся власть и те, кто либо ею пользовался, либо за неё боролся.

История Русского зарубежья не укладывается в эти привычные рамки. Для его деятелей политические бата-

лии остались в прошлом, их можно было только вспоминать или рассматривать со стороны. Конечно, в эмиграции оказалось немало бывших политиков, которые рассчитывали и впредь нести партийные знамёна, вывезенные ими из России. Они проводили заседания центральных комитетов, издавали газеты и журналы, создавали блоки, вели себя так, будто революционной катастрофы в России не случилось вовсе. Это была даже не политика, а её симуляция. И уж точно не это определяло жизнь Русского зарубежья. Но что же всё-таки лежало в её основе? Правовой статус эмигрантов? Их способность адаптироваться к новым обстоятельствам и вместе с тем сохранить свою идентичность? Бурное развитие общественной мысли в 1920–1930-х гг.? Формы самоорганизации? Русская культура, получившая развитие и за пределами Советской России? Всё это было исключительно важно, но далеко не исчерпывало проблему.

Ключевой элемент Русского зарубежья — не государство, не партия или какая-либо организация, не идея или книга, а чаще всего — человек с драматичной судьбой. Это побуждает исследователя к «антропологическому повороту» или, проще говоря, заставляет его обращаться к человеческим историям. Это нетрудно заявить, но гораздо сложнее сделать. Не вполне очевиден даже жанр, позволяющий

«стянуть» мозаичное плотно эмигрантской жизни воедино.

О.В. Будницкий предложил смелое решение, которое в итоге оказалось весьма удачным. В центре его книги — не отдельные персонажи, не эмиграция как социальное явление, не масштабные тенденции, а сам автор, его исследовательский опыт, творческий (прежде всего архивный) поиск и даже личные впечатления. Это не только литературный (кстати, вполне оправданный), но и научный приём. Будницкий открывает читателю свою лабораторию, в которой всё ещё продолжаются разнообразные эксперименты. В книге нашлось место и биографическим очеркам, и статьям, посвящённым интригующим проблемам политической истории первой половины XX в., и публикации источников с подробными комментариями.

Конечно, в ней чувствуются авторские интересы и привязанности. На многих страницах текста читателя «сопровождает» В.А. Маклаков, чья переписка с современниками в своё время заворожала и увлекла Будницкого, по его признанию, в мир Русского зарубежья. Конечно, Маклаков — фигура неординарная, выделявшаяся даже на фоне Серебряного века: блестящий оратор, известный московский адвокат, талантливый литератор, «звезда» общественной жизни. Для российской эмиграции особое значение имела его посольская должность в Париже и активная роль в политических делах. Вместе с тем Василий Алексеевич парадоксально, ёмко и афористично очертил место своего поколения в истории России. Бывший член партии кадетов стал самым суровым её критиком. Как мемуарист и яркий, самобытный мыслитель он заметно повлиял на интерпретацию событий начала XX в. в современной историографии.

Между тем эпистолярное наследие Маклакова (доступное широко-

му кругу читателей как раз благодаря Будницкому¹⁾) в полной мере стало известно лишь совсем недавно. Его письма — уникальный памятник русской словесности. Блестяще написанные и весьма информативные, они содержат не только множество ценных сведений, но и глубокую аналитику нестандартно мыслящего, а по словам Будницкого, «возможно, самого умного русского человека XX века» (с. 6). Маклаков не вписывался ни в один канон, выпадал из нормативного поведения интеллигента, кадета, эмигранта. Это делало его тексты поразительно интересными и всегда неожиданными. Будучи человеком внутренней свободы, Маклаков умел смотреть на происходившее вокруг «со стороны». В сущности, такая задача стояла перед каждым представителем «мыслящей России» за рубежом, однако не все с ней справлялись столь виртуозно.

Российская эмиграция в социальном отношении не была однородной. В её ряды попадали выходцы из разных сословий, классов, национальных и религиозных групп. Вопреки устоявшимся представлениям, интеллигенты составляли малую часть формировавшейся диаспоры. Сообщая о её численности и составе, характеризуя географию «России за рубежом», выделяя наиболее крупные организационные структуры и периодические издания, Будницкий заполняет затем эту необходимую формальную «рамку» человеческими драмами, извлекая сведения о них из переписки В.А. Маклакова с Б.А. Бахметевым и О.О. Грузенбергом, В.Л. Бурцева с лидерами Белого движения, Б.Л. Гершуна с А.А. Гольденвейзером, рассказывает о мнимых и реальных российских капиталах, оказавшихся за рубежом, о создании «Нового журнала», у истоков которого стояли такие знаковые фигуры как М.А. Алданов и М.М. Карпович, о том,

как эмигранты пережили 1945 г., и т.д. Хорошо смотрятся в ней и биографические портреты одной из видных представительниц социал-демократической партии Л.О. Дан, ростовского предпринимателя Н.Е. Парамонова, историка и кадета А.А. Кизеветтера, неформального лидера русской колонии в Англии Е.В. Саблина, общественной и политической деятельницы А.В. Тырковой и др. Особенно ярким у Будницкого получился образ Юлии Кантакузен, гр. Сперанской, урождённой Грант — внучки президента США, родившейся в Белом доме в Вашингтоне и блиставшей позднее при дворе австрийского императора. Познакомившись в Риме с гвардейским офицером из России, потомком византийских императоров и внуком гр. М.М. Сперанского, она стала своей для петербургского высшего света. А потом её ждал предсказуемый финал: революция, бегство, воспоминания. Столь поразительные и странные изгибы судьбы были характерны для многих из тех, кто родился ещё в старой Европе, которую растоптал XX век, и не по своей воле попал в зазор между двумя эпохами.

На протяжении книги Будницкий постоянно меняет исследовательскую оптику. Порой он пишет «широкими мазками», в другой раз останавливается на деталях, рассматривая их через «увеличительное стекло». Вместе с тем созданная автором картина отнюдь не кажется эклектичной. Единство ей придаёт общность сюжета, стиля и, что ещё важнее, источниковедче-

ского подхода. Каждый очерк строится на архивных находках автора. Как правило, это источники личного происхождения, преимущественно переписка. Действительно, письма — едва ли не главное, что осталось от «России за рубежом». Почта связывала разбросанных по всем миру представителей российской общественности, лишившихся прежних возможностей выражать свои идеи и эмоции. В изгнании у них было меньше журналов, газет и иных «площадок» для выступлений, нежели в дореволюционной России. То, что прежде слушала вся страна, теперь предназначалось для считанных корреспондентов. Но это никак не умаляло таланта, интеллекта, знаний, вложенных в строки таких посланий, до недавнего времени не известных даже заинтересованной публике.

«Другая Россия» — без единого центра, географического или организационного, без ясно очерченных границ — это почти невидимая Атлантида, историю которой приходится собирать из рассыпанных по всему свету документов, чем и занимается О.В. Будницкий.

Примечание

¹ «Совершенно лично и доверительно!». Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 / Под ред. О.В. Будницкого. В 3 т. Т. 3. М., 2002; Спор о России: В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Сост. О.В. Будницкий. М., 2012; «Права человека и империи»: В.А. Маклаков — М.А. Алданов. Переписка 1929–1957 гг. / Сост. О.В. Будницкий. М., 2015.